

УДК 1(091)378.4

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.183-197

А. ШОПЕНГАУЭР ОБ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ: PRO ET CONTRA

Ф.Ф. Серебряков

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются основные положения и вытекающие из них следствия работы А. Шопенгауэра «Об университетской философии», до сих пор не утратившей остроты и основательности, а также приводятся аргументы «за» и «против» этих положений с позиций сегодняшнего дня. Анализируются в первую очередь следствия, необходимо возникающие при последовательном додумывании логически и исторически безупречно обоснованного у немецкого философа положения о ненужности (невозможности) и даже прямой вредности (для «истинной философии») того, что, видимо, первым сам А. Шопенгауэр назвал университетской философией. Обосновываются доводы в пользу того, как быть в современной противоречивой ситуации, когда, с одной стороны, оказывается неприемлемым этот основной вывод А. Шопенгауэра относительно университетской философии, давно ставшей незыблемым историческим и образовательным фактом, и когда, с другой стороны, остаются актуальным и его аргументы против университетской философии.

Ключевые слова: университетская философия, подлинная философия, преподавание философии, «лже-философия», самомышление, философия как профессия, Г.В.Ф. Гегель, А. Шопенгауэр, мирозерцание, мнимый философ, государственная религия, история философии

К философии можно действительно относиться
с неподдельной, суровой серьезностью... Честность, честность,
как в обыденной жизни, так и в мышлении и в преподавании.

Философия не пригодна быть хлебным ремеслом...
действительное философствование требует независимости.

Артур Шопенгауэр, немецкий философ

О преподавании философии в университетах с тех пор, как оно прочно вошло в практику образования, у нас написано немало, за рубежом, думаю, – еще больше. Но иногда кажется, что было бы достаточно ограничиться только одной, немецкой публикацией под названием «Об университетской философии» [1], появившейся в 1851 г., – настолько полно, притом в самых существенных моментах, и с поразительной прозорливостью в ней были подмечены противоречия

и «болевы́е точки» университетской философии¹, которым со временем еще только предстояло явиться взору остальных. Настолько полно, что последующие публикации там, где они не будут повторять изложение этих противоречий и проблем, очень немного существенно нового внесут в рассмотрение вопроса. Причем автор, как и в других своих работах, не стеснялся в выражениях и не деликатничал, дабы пощадить чувства людей, думающих иначе, чем он, не прибегал к эвфемизмам, не старался, как выразились бы ныне, быть толерантным (это, вообще, было далеко от его правил), был безжалостно искренен и честен, как он это понимал, считая, полагаю, что во взаимоотношениях с истиной надо, идя до конца, мужественно принимать всё, чтобы ни открылось при этом². Не то чтобы он был плохого мнения о человеке как таковом, скорее – о большинстве представителей человечества, которые только тем и озбочены, главным образом, чтобы «есть, пить и размножаться» [1, с. 134], представляя собой людей «безгранично-эгоистических... нечестных, завистливых, злобных и притом весьма ограниченных и упрямых» [1, с. 130]. Те же, которые «зажигают свет» и тем самым приносят пользу всему человечеству, – «в высшей степени редкая аномалия» [1, с. 134].

Правда, эта публикация, судя по всему, была вызвана не только потребностью изложить свои размышления над проблемой, но и даже спустя десятилетия все еще неугасающим желанием публично пригвоздить к позорному столбу «лже-философию», «лжемудрость», пожалуй, самого знаменитого к тому времени европейского философа и при этом почти официального философа прусской монархии – Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (а вместе с ним заодно философию и многих других, «какого-нибудь» там И.Г. Фихте или Ф.В.Й. фон Шеллинга, не говоря уже о И.Ф. Гербарте и прочих немецких профессорах философии). Старая обида на него, вызванная и вправду несправедливым поступком уже тогда маститого философа, не утихала, хотя прошли уже десятилетия после случившегося, и все эти годы он лелеял свою обиду: всякий раз, когда вспоминал о ней, переживал ее столь же остро и болезненно, как и тогда – в первый раз. Этим уязвленным самолюбием³ можно объяснить некоторые очевидные пристрастия и спорные, а то и несправедливые суждения автора статьи⁴. Автором был Артур Шопенгауэр, к которому в то время уже приходило долгожданное признание: «И мой свет, наконец, не лежит уже под спудом», – писал он [1, с. 173]; не за горами была и европейская известность: «Закат моей жизни стал

¹ Появлением и самого этого термина мы тоже, кажется, обязаны автору этой статьи.

² «Честность, честность, как в обыденной жизни, так и в мышлении и в преподавании», – писал философ [1, с. 167].

³ Вряд ли можно дать этому более вразумительное объяснение, чем дал он сам, правда, в данном случае рассуждая «вообще»: «Для человека нет ничего выше удовлетворения его тщеславия, и ни одна рана не болит сильнее той, которая нанесена ему самому» [2, с. 48].

⁴ Сильнее всего досталось философии Г. Гегеля, «этого пошлого горе-философа»: «...Бестолковая галиматья, которая напоминает даже бред умалишенных» [1, с. 128], гегелевской школе, в которой «напрасно будете вы искать какой-нибудь действительной мысли – здесь нет их ни одной» [1, с. 153]; кроме того, с легкостью, без тени сомнения, высказывались им и спорные в отношении прежних и нынешних профессоров философии суждения: «...Философы не бывают профессорами философии» [1, с. 133], которые, впрочем, в отношении современных, может быть, менее спорны. Другие его критические суждения об этой «лже-философии», напротив, представляются очень трезвыми, например, вот это: Г. Гегель «извращает истинный и естественный ход вещей, выдавая *общие понятия*, отвлекаемые нами из эмпирического воззрения... за первое, коренное, истинно реальное... вследствие чего только и получает свое бытие эмпирически реальный мир; [утверждая], что эти понятия без нашего содействия сами себя думают и движутся...» [1, с. 143].

зарей моей славы», – в одной из своих рукописей за несколько лет до смерти повторит он вслед за Ф. Петраркой⁵.

Так бывает с произведениями классиков – спустя и столетия статья (или эссе, как угодно) представляет несомненный актуальный интерес! Настолько актуальный, что, читая ее сегодня, преподаватель философии – у нас, по крайней мере, – будто знакомится со списком основных болячек университетского преподавания и претензий к нему не только с точки зрения интересов дела, но даже просто здравого смысла.

Что можно в связи с этим сказать pro et contra важнейших положений шопенгауэровской статьи, тем самым делая проблему для сознания более ясной и понятной? Но прежде заметим, что, как будет видно, содержание работы, проблемы, в ней выставляемые, выходят за пределы университетской философии, преподавания вообще.

Только в одном отношении преподавание философии, то есть существование университетской философии, «несомненно приносит... немалую пользу», по крепкому убеждению А. Шопенгауэра. Приносит ту пользу философии, что «она получает гражданские права, и ее знамя водружается перед глазами людей, – что постоянно приводит на память и делает заметным ее существование. Но главная выгода отсюда та, что с ней знакомятся и получают импульс к ее изучению молодые и способные головы» [1, с. 123]. (Хотя философ и оговаривается, что «человек, имеющий к ней дарование и именно поэтому чувствующий в ней потребность, все равно, конечно, нашел бы и усвоил ее и без того» [1, с. 123]).

И это – единственная польза от преподавания философии, по мнению упрямого немца, но достаточная ли для оправдания ее преподавания и тем самым для легитимизации университетской философии? Но прежде разберемся с «пользой».

Только в одном отношении преподавание философии, стало быть, приносит пользу. Пусть так – не будем пока оспаривать, но зато трудно переоценить его значение, добавим мы. И прежде, и теперь, особенно теперь, когда – как следствие изменения общественной системы и соответствующих этому социальных реформ – образование, имевшее при прежней системе целью формирование человека-творца, всё очевиднее приближается к реализации новой цели, отвечающей сути нового общественного строя – капитализма: «...Взрастить квалифицированного потребителя», как выразился однажды бывший министр образования РФ А. Фурсенко⁶. Когда, далее, несмотря на тотальную вооруженность гаджетами (или, напротив, именно поэтому), порой кажется, что наступает новое варварство и, как шагреновая кожа, скукоживается культурный и интеллектуальный горизонт значительной массы «молодых голов».

⁵ См.: Шопенгауэр А. Сборник произведений / Пер. с нем.; вступ. ст. и прим. И.С. Нарского. – Минск: Попурри, 1999. С. 8. «Теоретически» он был готов к этому (или, напротив, обосновал это задним числом, когда уже взойшла «заря» его славы): у А. Шопенгауэра есть мысли о неспособности толпы (и ученой тоже) адекватно выставлять оценки и суждения «умственным заслугам», поэтому-то она прославляет «пустозвонство Фихте», «эклетицизм Шеллинга» и даже «жалкого шарлатана Гегеля», есть мысли о поздней славе, которая приходит к гению (или даже ожидает его только после смерти: «...Что значили Моцарт и Бетховен при жизни? Чем был Данте? Какое значение имел сам Шекспир?»), поэтому «приобретали известность чрезвычайно медленно» Ф. Бэкон и Картезий, сам И. Кант «добился славы только на седьмом десятке». Наконец, «потому-то и я (!) остался незамеченным» [3, с. 103, 106, 105, 147].

⁶ https://ru.wikipedia.org/wiki/Фурсенко,_Андрей_Александрович

И хотя, что есть такая премудрость, как философия (о которой некоторые слышали еще в школе), эти головы могли бы узнать, заглянув в нужные страницы Википедии, вряд ли они стали бы проделывать это, *если бы не нужда* в виде зачетов и семинаров по предмету «Философия». Для нее, этой массы, какую бы специальность в вузе она ни избрала, становится «заметным существование» философии, которая «получает гражданские права», а в дальнейшей, послевузовской жизни по тому или иному случаю иногда будет приходиться «на память», именно *благодаря* университетской философии, то есть *преподаванию философии в вузе*. Для подавляющей массы «молодых голов» университет (вуз) так и останется *единственным* источником тех знаний и представлений, которые и дает знакомство с философией.

В том отношении, что (преимущественно) благодаря преподаванию философии в вузе «она получает гражданские права, и ее знамя водружается перед глазами людей», таким образом, ничего не изменилось с тех пор, как были написаны приведенные строки, напротив, у нас – как это ни грустно – они лишь стали еще весомее. Можем поэтому смело констатировать: данное шопенгауэровское положение остается абсолютной истиной.

Что касается тех «молодых и способных голов», испытывающих «потребность» в философии, которые будто нашли бы ее «и без того» (сами по себе, без «встречи» с «университетской философией»), то – всё может быть, есть такие случаи, хотя остается открытым вопрос о «среде», способствовавшей появлению этой потребности, о первотолчке, если только это не «глас небесный», не «зов предков» и не неисповедимые пути гения. Но насколько же быстрее и заметнее это происходило и происходит по причине «встречи» с университетской философией не только с гуманитариями, но и с теми молодыми людьми, поступившими на естественно-научные факультеты, которые первоначально твердо решили для себя, что их призвание – математика, физика, биология и не иначе. Происходит хотя бы как толчок к тому, что в одной из своих работ А. Шопенгауэр называет самомышлением, то есть самостоятельным мышлением [3, с. 149]. Вместе с тем не исключено, что и как толчок к открытию настоящего своего призвания. В таком случае, определенно, может быть пригодной для начала и «лже-философия». Немецкий философ, кстати, указывает и «наиболее сильный стимул для философского ума», то есть для того, чтобы прийти к философии «и без того», самим по себе, без университетской философии, – «читать Платона». Но подобная встреча вне университета, если и может произойти, то очень редко и во много раз вероятнее – в университете, на занятиях по философии.

Эта миссия университетской философии, выделяемая А. Шопенгауэром, которой он сам придавал только известное значение, лишь до некоторой степени оправдывающее ее существование, на самом деле имела и имеет в истории громадную значимость, учитывая еще и то специально отмечаемое самим А. Шопенгауэром обстоятельство, что именно философия «обосновывает мирозерцание данной эпохи» [1, с. 137]. А поэтому «встреча» с ней, принуждающая студентов хоть как-то рассуждать, судить, высказываться по «проблемам мира и человека», то есть всё же пользоваться мышлением, развивать его и как-никак обобщать, синтезировать, систематизировать, заметим мы, придает какое-то подобие целостного или хотя бы вразумительного мирозерцания тому набору

мнений, которым полны «молодые головы». Это мы можем утверждать с уверенностью, исходя из практики преподавания. В таком смысле можно констатировать, что преподавание философии не просто «приносит немалую пользу», но «несомненно» приносит очень большую пользу.

Однако, по мнению немецкого философа, к которому он «постепенно пришел», такая польза университетской философии всё же весьма относительна, и она значительно перевешивается «тем вредом, который философия как профессия причиняет философии как свободному исканию истины, или философия по поручению правительства – философии по поручению природы и человечества» [1, с. 123].

Вообще-то, от этого довода можно было бы отмахнуться простым указанием на то, что ничто не обязывает нас соглашаться с его оценкой известных философий (сложившихся у их создателей в период и в ходе их преподавания в университете) как «лже-философий» и с его пониманием «истинной философии», ибо в истории философии обыкновением является разное понимание философии разными философами, следовательно, и разное понимание «истинной философии». При этом для убедительности можно сослаться скажем, на Р. Декарта, заявившего, что, хотя философия «и была развиваема в течение многих веков лучшими умами, не заключает, однако ж, в себе пока ничего бесспорного, ничего не подлежащего сомнению» [4, с. 21], добавив, что, с тех пор как были написаны эти слова, ничего в этом отношении не изменилось. Можно было бы и так «решить» проблему, точнее, не замечать проблемы, которая является камнем преткновения для немецкого философа. Подобный способ разделяться с мнением великих, однако, не нов, но при ближайшем рассмотрении оказывается обыкновено не чем иным, как простым трюизмом. Более же пристальный анализ аргументации А. Шопенгауэра показывает, что здесь – настоящая проблема и таким незатейливым способом прослыть, пользуясь гегелевским выражением, «героем мыслящего разума» [5, с. 69] не получится.

Поэтому я хорошо понимаю: выставлять на передний план вышеупомянутое утверждение, что преподавание философии не просто «приносит немалую пользу», но «несомненно» приносит очень большую пользу, нельзя, не сместив приоритеты (акценты) в понимании философии, ее функций, общественного значения и «исторической миссии» по сравнению с шопенгауэровскими, согласно которым абсолютной истиной – притом что он очень хорошо понимал и признавал относительную пользу университетской философии – остается то, что философия «не знает иной цели, кроме истины», иной задачи, кроме удовлетворения «благородной потребности... [метафизической], которая во все времена глубоко и живо дает себя чувствовать человечеству» [1, с. 130]. Посему вышесказанное, конечно, не убедило бы А. Шопенгауэра, даже и притом что он придавал большое значение формированию самомышления, которое как раз занятиями философией и достигается лучше всего. И вряд ли бы он согласился, что вышеприведенное – достаточное основание для оправдания того, чтобы философия была, как он выражался, «представлена профессорами».

Но рассматриваемый аспект (представленный в мнении, к которому автор «постепенно пришел» – см. выше) как раз из тех, что заставляют нас не соглашаться безоговорочно с А. Шопенгауэром и обоснованно занять иную позицию,

посмотреть на вещи иначе просто потому, что поступать по-другому нельзя. «По-другому» – означало бы, приняв почти безупречную логику рассуждений философа, согласиться и с его окончательными, неутешительными выводами.

Поскольку университетская философия есть не что иное, как философия по поручению правительства, приводит довод за доводом А. Шопенгауэр, есть философия как профессия, то она не является и объективно не может являться подлинной философией, философией как свободным исканием истины, философией «по поручению природы и человечества», а «действительный философ, который был бы в то же время преподавателем философии, принадлежит к самым исключительным явлениям» [1, с. 125], так что даже говорить о нем серьезно в этом смысле не приходится, он есть «мнимый» философ. Таким образом, преподавание философии, то есть университетская философия, только наносит вред настоящей философии, вред, который не может быть компенсирован той весьма относительной пользой, о которой у нас шла речь выше, она дискредитирует философию.

Вся логика дальнейших рассуждений, аргументации, приводимой А. Шопенгауэром, склоняет нас к очень неутешительному и решительному выводу – интересы философии, которая ведь «не знает иной цели, кроме истины», иной задачи, кроме удовлетворения «благородной потребности... [метафизической]», требуют *отказаться от ее преподавания*. Да, собственно, **он и делает такой вывод**. «...Я, – говорит немецкий философ, – все более и более склоняюсь к тому мнению, что для философии было бы плодотворнее, если бы она перестала быть ремеслом и *не выступала более в повседневной жизни, представляемая профессорами* (курсив наш. – Ф.С.)» [1, с. 138]. Это самый радикальный и, учитывая убедительность его доводов, печальный вывод, который только можно сделать, самый честный, но совершенно неприемлемый.

Почти вся аргументация А. Шопенгауэра, как было сказано выше, остается актуальной, неразрушенной, большей частью лишь весомо подтвержденной и подтверждаемой, в этом смысле – пророческой, с тех пор как она была высказана. Можно даже сказать, что истекшие после написания работы А. Шопенгауэра более чем 150 лет лишь послужили для того, чтобы его размышления сделать очевидно истинными.

Как быть? Чтобы не согласиться с ним в его выводах – а согласиться нельзя, – необходимо либо разрушить основания, на которых они зиждутся, показать их несостоятельность, что означает не принимать некоторых его принципиальных исходных посылок относительно философии, прежде всего, в той части, где он говорит о философии «чистой» и «прикладной» (соответственно «подлинной» и «мнимой»), философии как «искании истины» и философии «по поручению правительства»), их несовместимости, а это очень трудно. Либо, признав логическую безупречность и убедительность этих оснований, просто проигнорировать их, довольствуясь той относительной пользой университетской философии, о которой шла речь выше, так как и этого уже достаточно, по крайней мере, для решения важнейшей идеологической задачи – «обоснования мирозерцания».

Но есть и третий путь. Не оспаривая в принципиальном плане разделения философии на «чистую» и «прикладную», найти бреши в таком обосновании, противоречия в рассуждениях, показав *относительный, а не абсолютный характер*

этого разделения, введя оговорки применительно к этим рассуждениям, естественные в связи с кардинальным различием исторических условий «тогда» и «теперь», что в результате должно поставить под сомнение и справедливость приведенного кардинального вывода немецкого философа.

Прежде чем сделать это, разберемся, чем «прикладная философия», то есть университетская, отличается от «подлинной», «чистой», почему она не является и, по мнению А. Шопенгауэра, объективно не может являться подлинной философией, в чем, таким образом, ее вред, изначальная и неустраняемая порочность. Тогда, очевидно, прозрачным станет и кардинальный вывод философа, что освободиться от вреда, наносимого ею, можно только освободившись от нее самой как таковой, то есть от преподавания философии.

Итак, что есть «подлинная философия» и «истинный философ»? Их трудно идентифицировать. У «истинного философа» «великое рвение» состоит исключительно в том, чтобы «отыскать ключ к нашему столь же загадочному, сколько и непрочному бытию» [1, с. 125]. Философия подлинная или «чистая» (в отличие от «прикладной») – «философия сама по себе» «не знает иной цели, кроме истины, и всякая другая цель, которой стараются достигнуть с ее помощью, легко может оказаться губительной для ее *единственной функции* (курсив наш. – Ф.С.). Ее высокая задача – удовлетворение той благородной потребности, названной мной *метафизической*, которая во все времена глубоко и живо дает себя чувствовать человечеству» [1, с. 130].

Вот, следовательно, каковы *единственные* цель и задачи *истинной философии* и *настоящего философа*. «Иная цель» объявляется А. Шопенгауэром не соответствующей, даже прямо противоречащей цели «истинной философии» и задаче «настоящего философа».

Поэтому мы, еще даже не рассмотрев подробно аргументации упрямого немецкого философа, можем, не боясь ошибиться, сказать: раз университетская философия объявляется «мнимой», «прикладной», неподлинной, следовательно, она не отвечает этой цели «истинной философии», значит, она преследует «иную» цель, которую, как нам доходчиво разъяснил философ, «истинная философия» не может иметь.

Разберемся подробнее. В чем эта, «иная» цель университетской философии? В чем, по убеждению немецкого философа, порочность прикладной философии, что именно делает «университетскую философию» неподлинной, «лже-мудростью».

Мы оставим в стороне фактор, который сам философ (при разъяснении этого вопроса) называет в первую очередь, так как актуальный в его время как на Западе (А. Шопенгауэр знал, что говорил), так и у нас, в России (что можно легко показать фактами хотя бы из истории одного Казанского университета), когда еще ни в одной из европейских стран не были провозглашены официально ни светский характер государства, ни светский характер образования, он перестал быть актуальным, по крайней мере в европейских странах, в настоящее время. Вот как формулирует его вездливый немецкий мыслитель: «...Правительство не станет платить жалованья людям за то, чтобы они прямо или хотя бы косвенно противоречили тому, что по его указу возвещается со всех церковных кафедр поставленными им пасторами, или вероучителями: ибо такого рода противоречие,

по мере своего воздействия, должно было бы подрывать значение названного более раннего института» [1, с. 123], то есть государства. А противоречие между тем, что установила философия, которая *всегда* решает «проблему бытия *собственными силами и независимо от всякого авторитета* (курсив наш. – Ф.С.)» [1, с. 126], и тем, что «возвещается со всех церковных кафедр», очевидно, ибо «доступное человеку проникновение в природу вещей, в его собственное существо и сущность мира, не совсем совпадает с учениями, частью открытыми старому народу евреев, частью появившимися 1800 лет тому назад в Иерусалиме» [1, с. 126] (надо ли говорить, что это справедливо не только в отношении библейских религий, которые здесь подразумеваются, но и в отношении «учений» всех современных религий). А это вынуждает «профессоров философии», озабоченных, прежде всего, тем, «как бы честно заработать хороший кусок хлеба» [1, с. 125], *выдумывать* (как, например, Г. Гегеля, заявляет автор статьи) «абсолютную религию»⁷ или «кентавров» вроде «религиозной философии», «христианской философии» («как если бы кто-нибудь стал говорить о христианской арифметике») или другое, что «не приличествует философии» [1, с. 126]. Тем самым преподавание философии в университете с неизбежностью превращается в культивирование «лже-философии».

Несмотря на принципиальное, ключевое значение вопроса, не будем касаться этих «кентавров» по причине того, что вопрос требует специального и обширного рассмотрения. Отметим лишь, что в России вскоре после А. Шопенгауэра расцветет это, по его убеждению, несуразное, нелепое, с точки зрения философии, явление – «религиозная философия», которое иными даже будет объявлено национальным духовным завоеванием (философским⁸). Расцветет под пером в том числе и университетских профессоров философии. И до сегодняшнего дня будет без смущения выставляться с университетских кафедр, даже если это и «не приличествует философии» (и в Европе тоже)⁹. Ну как не понять А. Шопенгауэра, как не понять его стремление разделаться с университетской философией во имя... философии!

Оставим в стороне этот фактор, хотя складывающееся у нас в последнее десятилетие официозное (и противоречащее Конституции) отношение к религии и церкви, проникающее и в учебные заведения, вызывает тревогу и опасение, как бы «критерием и контролем» «искания истины» [1, с. 127] вновь не стало то, что А. Шопенгауэр называет «государственной религией», поэтому

⁷ Можно догадаться, какое раздражение и, – учитывая его отношение к этой проблеме, – презрение должна была вызвать у А. Шопенгауэра, например, вот эта фраза Г. Гегеля из его так называемой «Малой логики» (первой части «Энциклопедии философских наук»): «Философия и религия имеют своим предметом истину, и именно истину в высшем смысле этого слова, – в том смысле, что бог, и только он один, есть истина» [6, с. 3].

⁸ Э. Жильсон, сам – «религиозный философ», в работе «Философ и теология» (М.: Гнозис, 1995), между прочим, замечает о Фоме и других средневековых схоластах, что они только в той мере философы, в какой заканчиваются как теологи.

⁹ Трезвых умов, конечно, хватает. Вот что пишет один из таких, известный швейцарский философ Ю. Бохеньский, по этому поводу: «Понятие “христианская философия” обозначает либо философию, исторически сложившуюся в христианской среде (исторически христианскую философию), либо философию, в основании которой лежат христианские догматы. Существование христианской философии в первом смысле есть исторический факт, и признание ее философией не является ошибочным. Что касается христианской философии во втором смысле, то считать ее философией – это предрассудок. <...> Философия, по определению, есть наука, не зависящая от какого-либо мировоззрения, и она не может служить обоснованием христианских догматов» [7].

нет уверенности в том, что доводы великого философа в этом вопросе принадлежат только прошлому, как нет уверенности и в том, что не придется столкнуться с откровенным мракобесием. Это у нас. Что касается Запада, то ситуация разнится от страны к стране, но, например, в США о мере возможности «прямо или хотя бы косвенно» с философских кафедр противоречить тому, что «возвещается со всех церковных кафедр», красноречиво свидетельствует сложившаяся там атмосфера, когда, по словам видного современного британского ученого-этолога, эволюционного биолога, неумолимого популяризатора науки Р. Докинза, «положение атеистов... можно сравнить с положением гомосексуалистов пятьдесят лет назад» [8, с. 11] (Тогда это квалифицировалось, напомним, как уголовное преступление¹⁰). В XXI в. этот фактор, настойчиво подчеркиваемый философом XIX в. как актуальнейший, должен, казалось, представляться устарелым, давно переставшим быть актуальным, но на деле всё обстоит иначе, как видим.

Но оставим в стороне этот фактор, тем более что А. Шопенгауэр акцентирует внимание только на его форме, в XIX в., действительно, актуальной: «государственная религия», то, что «возвещается со всех церковных кафедр», чему не могли противоречить оплачиваемые правительством профессора философии, тем самым превращая возвещаемую с университетских кафедр философию в «лже-философию». Сущность же этого фактора все-таки другая, формулируется она более общо, и касается ее философ только одной фразой: защищать, не противоречить значению такого «института» как государство (подразумевается то государство, интересы которого выражает «правительство»). Вот эта «сущность» и есть тот фактор, который в разные времена определяет характер философии, возвещаемой «по поручению правительства», то есть университетской философии. А что это за характер, философ нам уже разъяснил. Можем, для ясности, привести его ёмкие определения: «государственные цели университетской философии», «направление, соответствующее видам, какие имеет на них [воспитанников университета] государство и его правительство» [1, с. 129]. Перед этими «видами» и перед этими «целями» «в университетской философии истина занимает лишь второстепенное положение и, если потребуется, должна встать, чтобы очистить место иному» [1, с. 124].

Такую роль «государственной религии», которая заставляет представителей университетской философии ради того, чтобы заработать «хороший кусок хлеба», выдумывать то, что «не приличествует философии» и тем самым дискредитировать ее, может играть и то, что по форме религией не является, но государственной идеологией, за противоречие с которой «правительство не будет платить жалованье», – несомненно. Речь идет, например, об официальном советском «марксизме-ленинизме» как философии, отраженной в официальных учебниках, о том, что «государственной монополией на философию» удачно назвал один советский автор, полагавший, кстати, вслед за Р. Декартом (в «Рассуждении о методе...») и А. Шопенгауэром, что цель занятий философией – «уяснить себе самому», по мере возможности, «что' всё это [мир, бытие, объекты философии] значит» [9, с. 281].

¹⁰ Еще в 1952 г. был осужден в уголовном порядке известный английский математик и логик, один из основоположников информатики, А. Тьюринг.

И при такой государственной монополии на философию, что бы мы ни говорили о возможностях маневра, ухода в логику, другие частные философские дисциплины или проблематику, чтобы, так сказать, «сохранить самого себя», целью, задачами и результатом университетской философии, в конечном счете, будет не цель «истинной философии» – «отыскать ключ к нашему столь же загадочному, сколько и непрочному бытию» [1, с. 125] и тем самым удовлетворить благородную метафизическую потребность, «которая во все времена глубоко и живо дает себя чувствовать человечеству», а как раз «иная (истинной философии) цель» – обосновать «миросозерцание», которое бы соответствовало видам государственной идеологии на истину. Точнее, обосновать, что утверждаемое этой монополизированной государством философией «миросозерцание» и есть тот самый «ключ к нашему... бытию», который всегда «глубоко и живо» вожделем имеет человечество. Достигается это в целом схоластически, догматически и даже – пропагандистски (в зависимости от исторических времен), а «университетская философия» выступает как *самостоятельный субъект, независимый*, в конечном счете, от представителей университетской философии, их субъективных устремлений и мнений, их «благих намерений». Степень участия «субъектов университетской философии» в создании такого образа университетской философии зависит от меры их способностей и конформизма. Их личное самочувствие, даже их искреннее самоощущение как «истинных философов», служащих идее и истине, значения для осуществления государственной монополии на философию не имеет. Вот так в общественном мнении, в восприятии тех, кто знакомился с философией через университетскую философию, для кого она есть «философия вообще» складывается прочное представление о последней, ее образ. Для «молодых голов», знакомящихся с философией через университетскую философию, нет никакого различия между философией университетской, то есть той, что преподается им под именем философии, и «философией вообще» – первая и есть философия как таковая, «философия вообще». И, по логике А. Шопенгауэра, эти «молодые головы» изначально вводятся в заблуждение, освободиться от которого можно только отменой университетской философии. Вот теперь совершенно понятно, что относительная польза университетской философии, о которой говорилось выше, перевешивается, по убеждению А. Шопенгауэра, «тем вредом, который философия как профессия причиняет философии как свободному исканию истины, или философия по поручению правительства – философия по поручению природы и человечества» [1, с. 123].

Разумеется, подобная ситуация существует не только с «марксизмом-ленинизмом» как официальной философией (или «марксистско-ленинской философией» как результатом государственной монополии на философию). Она возникает везде, где «профессорская философия» добросовестно (а в собственном «самосознании» – «искренно») реализует официальную учебную программу, при этом не обязательно принимая вульгарные формы, как в некоторые периоды истории «советской философии». Она могла принимать, как сейчас, формы более смягченные или же, напротив, даже быть обоснованием «истинности» «миросозерцания» национал-социализма («дело Хайдеггера»¹¹). Она, безусловно,

¹¹ Об этом см.: Мотрошилова Н.В. Драма жизни, идей и грехопадений Мартина Хайдеггера // Квинтэссенция: Филос. альманах, 1991. М.: Политиздат, 1992. С. 158–236.

имеет место при коммерциализации образования, когда образованию и преподаванию, включая преподавание философии, приходится подстраиваться под требования «работодателей» и чиновников от образования, держащих «нос по ветру», подлаживаться под запросы, вкусы, уровень понимания и степень культурно-интеллектуального развития (или, напротив, недоразвитости) «потребителей образовательных услуг». Последняя ситуация приобретает форму даже более тотального господства, чем господство «марксистско-ленинской философии», если в обществе не остается места иным отношениям, кроме товарно-денежных.

Всё это суть случаи, когда «в университетской философии истина занимает лишь второстепенное положение и, если потребуется», встает и очищает «место иному».

Но даже если мы оставим рассмотренные факторы за скобками наших рассуждений, есть другие, называемые немецким философом, которые и ныне действуют в полную силу и склоняют нас, пусть и не столь прямолинейно, но также неотвратно, даже более методично к той же мысли, что польза университетской философии всё же значительно перевешивается «тем вредом, который философия как профессия причиняет философии как свободному исканию истины». Эти факторы являются будничными, повседневными, неизменными спутниками и обратной стороной «высокой» преподавательской деятельности «чиновников по кафедре философии», как в России еще в период введения первых университетских уставов, может, не совсем благозвучно, но очень точно и честно называли университетских преподавателей «чиновник по кафедре...». Так, в Уставе 1804 года (см., напр., § 68, 69, 146) говорится о «профессорах и других чиновниках»¹².

Какие имеются в виду факторы? Они известны и нынешним преподавателям; иные из них иногда приобретают и вовсе абсурдные формы. Ограничимся изложением некоторых из них в формулировке А. Шопенгауэра.

Университетские философы заботятся, прежде всего, о том, как бы «честно заработать хороший кусок хлеба для себя, для жен и ребят и получить известный авторитет в глазах людей» [1, с. 125]; «подлинная цель университетской философии» (всей совокупности преподаваемых общественных дисциплин, правильнее будет сказать сегодня) сводится к тому, что «будущие адвокаты, врачи, кандидаты и педагоги даже в самой глубине своих убеждений получают направление, соответствующее видам, какие имеет на них государство и его правительство» [1, с. 130]; преподаватели – это, по необходимости, «промышленники кафедры», «которым приходится жить на счет философии вместе с женами и детьми, так что лозунгом их служит *primum vivere, deinde philosophari* [прежде жить, а уж затем философствовать]» [1, с. 131]; мысль университетских философов часто (скажем мы, а не всегда, как следует из А. Шопенгауэра) направлена «на простую внешность дела, на аффекты, на импонирование... все они *ревностно старались получить одобрение начальства, а затем студентов* (курсив наш. – Ф.С.)» [1, с. 134]; «люди, для которых собственное благосостояние – истинная цель, а мышление – только средство для нее, постоянно должны

¹² <http://letopis.msu.ru/documents/327>

иметь в виду случайные потребности и наклонности современников, намерения правительства и т. д. Такие условия не пролагают пути к истине» [1, с. 134]; «люди, поставленные... учителями» университетской философии вместо того, чтобы «правильно и точно» излагать учения действительных философов, «одержимы несчастной фантазией, будто на их обязанности лежит самим разыгрывать философов и одарять мир плодами глубокомыслия»; отсюда «выходят те столь же мизерные, сколько и многочисленные, произведения, в которых дюжинные головы... трактуют проблемы» [1, с. 138–139]; «один профессор объявляет учение своего процветающего в соседнем университете коллеги за достигнутую наконец вершину человеческой мудрости... присоединяет [сюда] достолюбезные имена своих, в данную минуту процветающих и хорошо оплачиваемых товарищей, выдавая их за философов, которые тоже могут идти в счет, так как они исписали очень много бумаги и приобрели общий почет у своих коллег (курсив наш. – Ф.С.)» [1, с. 139]; «как в ученых журналах, так и в своих собственных произведениях, один профессор философии никогда не преминет с важной миной и должностной серьезностью подвергнуть тщательному рассмотрению дикие вымыслы другого, – так что дело имеет такой вид, будто здесь действительно совершается прогресс человеческого знания. Зато при первом случае такая же честь выпадет и на долю его собственного недоноска... (курсив наш. – Ф.С.)» [1, с. 140].

И вполне понятным становится, что, когда Карл Людвиг Пфальцский¹³ пригласил Б. Спинозу на профессорскую кафедру в Гейдельберг, тот отказался, боясь быть стесненным в свободе преподавания, предпочитая зарабатывать на существование шлифовкой линз.

Эти (и названные ранее) факторы таковы, что можно либо, следуя совету А. Шопенгауэра, расстаться с преподавательской работой в университете и перестать транслировать «неподлинную философию», либо, убедив себя, что сеешь «разумное, доброе, вечное», и, подавляя этой мыслью всякие иные, «оппозиционные» поползновения «внутреннего голоса», продолжать работать, не согласившись с высказанным немецким философом предложением отказаться от университетской философии.

Выше уже говорилось, что возможен, помимо рассмотренных выше двух путей, в ситуации, следующей из аргументации А. Шопенгауэра, третий путь. Проведенный анализ понуждает, имея его в виду, к следующему.

Во-первых (и уже сам А. Шопенгауэр предполагал такой вариант), в университетской философии следует сосредоточиться на преподавании «чужой», а не «своей» философии (как это делали критикуемые нашим автором профессора философии, преподнося тем самым в силу рассмотренных причин учащимся «лже-философию»)¹⁴ и делать это добросовестно, во всяком случае, не слишком искажая, что вполне достижимо. Это расширяет возможности для маневра при стремлении придерживаться «истины», позволяет акцентировать

¹³ Карл Людвиг Пфальцский (1617–1680) – курфюрст (германский владетельный князь) Пфальца – территориального образования по среднему течению Рейна со столицей в Гейдельберге, где в 1386 г. был основан университет – один из старейших немецких университетов.

¹⁴ О И. Канте, к которому А. Шопенгауэр относится хорошо, философ, например, говорит: «...Он, весьма разумно, по возможности отграничивал философа от профессора, не излагая с кафедры своего собственного учения» [1, с. 133].

внимание на критическом анализе текстов, содержания «чужих философий», в результате добиваться «беспристрастного», по крайней мере, объективистского подхода и развития критико-аналитической функции философии.

Придерживаться такого пути тем легче, что, вероятно, за крайне редким исключением, подавляющее большинство преподавателей у нас, профессоров и доцентов, преподают именно «чужую» философию, в отличие от времен автора рассматриваемой статьи. Еще одно обстоятельство способствует указанной возможности. В прежние времена «единая» университетская философия включала в себя и социологический «блок», и политологический, и прочее подобное содержание, то есть как раз ту идеологию, по А. Шопенгауэру, которая не позволяла университетскую философию считать «подлинной», «истинной», не позволяла относиться к ней с доверием; во времена нынешние бремя быть такой идеологией почти всецело приходится на долю социологии и политологии.

Во-вторых, в университетской философии, таким образом, акцент должен делаться на преподавании преимущественно истории философии.

В-третьих, само преподавание философии в университетах должно иметь своей главной целью формирование того, что А. Шопенгауэр называет самозмышлением, то есть самостоятельным мышлением, овладением навыками критико-аналитической операции, что достигается, в первую очередь, именно работой с историко-философскими текстами.

В-четвертых, средством для этого должно стать преподавание логики и методологии наук.

Акцент на преподавание этих направлений: истории философии, логики и методологии наук (естественных и гуманитарных) – должен минимизировать действие тех факторов, рассмотренных выше, которые, по мнению великого немецкого философа, не позволяют считать университетскую философию «истинной» и склоняют думать, что пожеланием добра для философии как таковой, для сохранения приличествующей ей репутации будет отказаться от университетской философии вовсе.

Что касается возможности, выйдя за пределы университетской философии и тем самым, следовательно, за границы отмеченных выше упреков, став «вольным философом», а не «промышленником кафедры», стать вместе с этим «истинным философом», то она, разумеется, существует (особенно в условиях информационного плюрализма), но вовсе не гарантирована. И есть немало факторов, препятствующих и этому. В том числе многое зависит от того, насколько далеко философ готов идти в служении «истине», особенно «социальной истине», в условиях тотального господства товарно-денежных отношений в их буржуазной форме и конкретной духовно-идеологической общественной атмосферы, создаваемой тем или иным политическим режимом.

Литература

1. *Шопенгауэр А.* Об университетской философии // Шопенгауэр А. Полное собрание сочинений Артура Шопенгауэра / Пер. и под ред. Ю.И. Айхенвальда: в 4 т. – М.: Изд. Д.П. Ефимова: Тип. Вильде, 1910. – Т. 3. – С. 123–173.
2. *Шопенгауэр А.* Искусство побеждать в спорах. – М.: Эксмо, 2015. – 128 с.

3. Шопенгауэр А. Мысли. – М.: АСТ, 2004. – 157 с.
4. Декарт Р. Рассуждение о методе для верного направления разума и отыскания истины в науках. – М.: Эксмо-Пресс, 2015. – 128 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии: в 3 кн. – СПб.: Наука, 1993. – Кн. 1. – 350 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Логика. – М.: АСТ, 2019. – 448 с.
7. Бохеньский Ю. Философия христианская // Бохеньский Ю. Сто суеверий: Краткий философский словарь предрассудков. – М.: Изд. группа «Прогресс»–«VIA», 1993. – С. 164–165.
8. Докинз Р. Бог как иллюзия / Пер. с англ. – СПб.: Азбука, 2015. – 512 с.
9. Левин И.Д. Шестой план // Историко-философский ежегодник'91. – М.: Наука, 1991. – С. 271–306.

Поступила в редакцию
11.03.19

Серебряков Фаниль Фагимович, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д.18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: fanserebr@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 183–197

---

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.183-197

A. Schopenhauer on University Philosophy: Pro et Contra

F.F. Serebryakov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: fanserebr@yandex.ru

Received March 11, 2019

Abstract

The main ideas expressed by A. Schopenhauer and summarized in his work “On University Philosophy”, which still retains its topicality and remains relevant, were discussed. A modern outlook on the pros and cons of these ideas was provided. The philosopher believed that university philosophy can be useful and justified only if it “receives civil rights, and its banner is hoisted in front of the eyes of people”. The outcomes of systematic thinking about the logically and historically substantiated idea on the uselessness (impossibility) and even direct harmfulness (for “true philosophy”) of university philosophy, as it was first defined by A. Schopenhauer, were analyzed. The controversial situation was considered: on the one hand, the above-mentioned idea of A. Schopenhauer regarding university philosophy is irrelevant, because university philosophy has long become an integral part of the historical and educational development in universities; on the other hand, his arguments against university philosophy are still strong. Possible solutions are as follows: as A. Schopenhauer suggested by himself, university philosophy should focus on teaching “foreign”, rather than “domestic”, philosophy; the emphasis should be on teaching primarily the history of philosophy; the major goal of teaching of philosophy should be independent thinking development and support through logic and scientific methods; the emphasis on the history of philosophy,

logic, and methodology of sciences should minimize the effect of factors that, in A. Schopenhauer's opinion, keep university philosophy from becoming "true".

Keywords: university philosophy, true philosophy, teaching of philosophy, "pseudo-philosophy", self-thinking, philosophy as profession, G.W.F. Hegel, A. Schopenhauer, worldview, pseudo-philosopher, state religion, history of philosophy

References

1. Schopenhauer A. On university philosophy. In: Schopenhauer A. *Polnoe sobranie sochinenii Arтура Shopengauera* [The Complete Works of Arthur Schopenhauer]. Vol. 3. Moscow, Izd. D.P. Efimova, Tip. Vil'de, 1910, pp. 123–173. (In Russian)
2. Schopenhauer A. *Iskusstvo pobezhdat' v sporakh* [The Art of Winning an Argument]. Moscow, Eksmo, 2015. 128 p. (In Russian)
3. Schopenhauer A. *Mysli* [Thoughts]. Moscow, AST, 2004. 157 p. (In Russian)
4. Descartes R. *Rassuzhdenie o metode dlya vernogo napravleniya razuma i otyskaniya istiny v naukakh* [Discourse on the Method for Rightly Directing One's Reason and Searching for Truth in the Sciences]. Moscow, Eksmo-Press, 2015. 128 p. (In Russian)
5. Hegel G.W.F. *Leksii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy]. Book 1. St. Petersburg, Nauka, 1993. 350 p. (In Russian)
6. Hegel G.W.F. *Logika* [Logic]. Moscow, AST, 2019. 448 p. (In Russian)
7. Bocheński J. Christian philosophy. In: Bocheński J. *Sto sueverii: Kratkii filosofskii slovar' predrassudkov* [One Hundred Superstitions: A Brief Philosophical Dictionary of Prejudice]. Moscow, Izd. Gruppy "Progress"–"VIA", 1993, pp. 164–165. (In Russian)
8. Dawkins R. *Bog kak illyuziya* [The God Delusion]. St. Petersburg, Azbuka, 2015. 512 p. (In Russian)
9. Levin I.D. The sixth plan. In: *Istoriko-filosofskii ezhegodnik '91* [Historical and Philosophical Annual Report '91]. Moscow, Nauka, 1991, pp. 271–306. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Серебряков Ф.Ф. А. Шопенгауэр об университетской философии: Pro et contra // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 5–6. – С. 183–197. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.183-197. ⟩

⟨ **For citation:** Serebryakov F.F. A. Schopenhauer on university philosophy: Pro et contra. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 183–197. doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.183-197. (In Russian) ⟩